

18+

МАКСИМ ИЛЬИН

МОСТ-1

КЛЮЧ ОТ МОСТА

Максим Ильин

Мост-1. Ключ от моста

«Издательские решения»

Ильин М. С.

Мост-1. Ключ от моста / М. С. Ильин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Врач-реаниматолог из-под Петербурга. Капля крови, упавшая в ручей под старым мостом, привязывает его к portalу времени. Теперь он может ходить в прошлое и будущее, но портал принадлежит им — тем, кто не терпит чужаков. Попытка спасти девочку, погибшую на его столе пятнадцать лет назад, меняет мир. В новой реальности у него есть семья, которую он не помнит, но готов защищать любой ценой. Вместе с загадочной монахиней он вступает в смертельную игру. Ставка — их жизни.

© Ильин М. С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Ночная смена	6
— Скальпель	9
Глава 2. Мост в тумане	12
Мостик	13
Глава 3. Пустой дом	15
Глава 4. Чужой мост	17
И остановился	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мост-1

Ключ от моста

Максим Сергеевич Ильин

© Максим Сергеевич Ильин, 2026

ISBN 978-5-0070-4957-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-4958-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Ночная смена

Дождь моросил уже третий час — мелкий, противный, какой бывает только в Питере в начале лета. Он не лил, а висел в воздухе водяной пылью, размазывая свет фонарей по мокрому асфальту. Владимир Семёнович Ломаев стоял у окна ординаторской и смотрел, как капли стекают по стеклу, оставляя извилистые дорожки.

Ночная смена тянулась медленно, как всегда перед утром. Трое пациентов в реанимации, все стабильны. Можно было даже позволить себе кружку остывшего чая и пять минут тишины. Он уже потянулся к кружке, когда с улицы донёсся нарастающий вой сирены.

Ломаев поставил кружку, даже не пригубив. Сирена звучала не как обычно — в ней слышалась та особенная, надрывная нота, которая отличает экстренный вызов от планового. Он знал этот звук слишком хорошо.

Машина скорой помощи вылетела из-за поворота и резко затормозила у пандуса приёмного отделения. Проблесковые маячки уже были выключены — осталась только фара, режущая пелену дождя. Задние двери распахнулись изнутри, и фельдшер, молодой парень со взмокшими волосами, прилипшими ко лбу, спрыгнул первым, вытягивая за собой каталку.

Ломаев уже спускался по лестнице, не дожидаясь вызова. Тело двигалось быстрее, чем мысли — старая, въевшаяся в подкорку привычка. Он вышел в приёмный покой как раз в тот момент, когда каталку завозили внутрь.

На каталке лежала девочка. Лет семи, не больше. Маленькая, неестественно бледная, укрытая термоодеялом, которое казалось слишком большим для её хрупкого тела. Врач скорой — женщина с уставшим, но собранным лицом — шла рядом, держа в поднятой руке пластиковый пакет с физраствором. Тонкая трубочка капельницы тянулась к руке ребёнка, закреплённая пластырем наспех, прямо в машине.

— Что случилось? — спросил Ломаев, подходя к каталке. Голос прозвучал ровно, почти буднично.

Врач скорой заговорила быстро, чеканя слова:

— Девочка, семь лет. Падение с высоты пятого этажа. Примерно сорок минут назад. Сознание не теряла, но заторможена. Зрачки — реакция сохранена, анизокории нет. Дыхание самостоятельное, но аускультативно ослаблено слева. Живот при пальпации напряжён, подозрение на внутрибрюшное кровотечение. Закрытый перелом левого предплечья.

Она перевела дыхание и продолжила, сверяясь с картой вызова:

— Давление на выезде было восемьдесят на сорок, тахикардия сто тридцать. Ввели трамексам, десять миллилитров внутривенно струйно, начали инфузию физраствора. В дороге давление поднялось до девяносто на шестьдесят. Обезболили фентанилом — двадцать пять микрограмм. Сознание не теряла, но на вопросы отвечает односложно.

Ломаев уже не слушал — он работал. Пальцы сами нашли в кармане маленький фонарик-ручку. Он наклонился к девочке, заглянул в её глаза. Зрачки сузились на свет — медленно, но отреагировали.

— Сейчас посмотрю глазки, хорошо? Будет ярко, потерпи, — сказал он мягко, но без сюсюканья.

Девочка не ответила. Её взгляд плыл где-то между реальностью и тем тягучим, ватным состоянием, которое приходит после сильного удара и большой кровопотери. Губы были сухие, с трещинкой посередине.

Ломаев осторожно отогнул край термоодеяла. Под ним — простая белая футболка, разрезанная ножницами скорой снизу вверх, до середины груди. Ткань пропиталась кровью и прилипла к телу. Он мягко, почти не касаясь, провёл пальцами по животу. Мышцы под кожей напряглись — девочка слабо застонала.

И только теперь, в ярком свете приёмного покоя, Ломаев разглядел её лицо по-настоящему. Раскосые глаза с лёгким эпикантусом. Маленький, чуть приплюснутый нос. Приоткрытый рот с высунутым кончиком языка. Сомнений не было — перед ним лежал солнечный ребёнок.

— Понял, — выдохнул он и выпрямился.

В голове уже складывалась картина: внутреннее кровотечение, возможно, разрыв печени или селезёнки, пневмоторакс слева, перелом. Счёт шёл на минуты.

— Сознание теряла в машине? — спросил он, глядя на врача скорой.

— Нет. Но была эпизодическая спутанность. На имя отзывается.

Ломаев повернулся к медсестре, уже стоявшей рядом с готовым шприцем.

— Она теряет сознание. Вколи ей дексаметазон — восемь миллиграмм внутривенно. И норэпинефрин на инфузомате готовьте, титровать от ноль-один. Третью операционную разворачивайте. Дежурного хирурга — срочно и сосудистого хирурга. Анестезиолога — срочно.

Слова падали, как гильзы из пулемёта — отрывисто, точно, без единого лишнего звука. Двое санитаров уже подкатали больничную каталку. Вместе с фельдшером скорой они на счёт «три» переложили девочку. Ломаев взялся за поручень и пошёл рядом, не отставая. Каталку повезли вглубь коридора, в сторону лифта. Врач скорой осталась стоять посреди приёмного покоя с пустой каталкой и пакетом от капельницы в руке, который теперь был не нужен. Она провожала их взглядом, пока двери лифта не сомкнулись, отрезая её от маленькой фигурки под термоодеялом.

В лифте было тесно. Ломаев стоял, вжавшись плечом в стенку, а санитары держали каталку. Он поднял руку и упёрся лбом в холодную металлическую панель с кнопками. Прямо перед глазами — ряд светящихся цифр. Он смотрел на них, не мигая, но не видел. Мысли унеслись далеко — туда, где пятнадцать лет назад другая девочка лежала на другом столе.

Лифт дёрнулся и пополз вверх. Ломаев не шевелился. Только пальцы, сжимавшие поручень, побелели от напряжения.

Лифт остановился. Двери с тихим шелестом разъехались, и санитары покатали каталку в операционный блок. Ломаев вышел следом, но у дверей операционной остановился. Его работа здесь была закончена — дальше вступали хирурги. Он проводил каталку взглядом, пока двери не закрылись, отрезая его от девочки с раскосыми глазами.

В коридоре было тихо — ночной режим, приглушённые лампы, далёкий писк какого-то прибора. Ломаев опустил на пластиковый стул у стены, упёр локти в колени и сплёл пальцы. Поза человека, который ждёт приговора.

Он закрыл глаза. И перед внутренним взором, словно старая киноплёнка, прокрутилась другая операционная. Другой стол. Другая девочка.

Пятнадцать лет назад.

Яркий хирургический свет. Руки в перчатках держат скальпель над вскрытой брюшной полостью. Тампоны пропитываются кровью — быстрее, чем нужно. Слишком быстро.

— Скальпель

Его собственный голос, но словно со стороны.

— Пинцет. Зажим.

Лицо в маске, над бровью — капля пота. Глаза напряжены, мышцы шеи свело. На столе — маленькая девочка, почти такая же, как та, что сейчас за дверью.

— Давление падает. Восемьдесят на тридцать. Шестьдесят на двадцать.

Руки замерли над раной. На мониторе — прямая линия.

— Остановка. Асистолия.

— Реанимируем. Разряд готовьте.

Медсестра подкатила тележку с дефибриллятором. Электроды легли на маленькую грудную клетку.

— Разряд. Двести.

Глухой электрический хлопок. Тело на столе вздрогнуло.

— Без эффекта.

— Ещё раз. Триста.

Второй хлопок. Снова ничего.

Медсёстры переглянулись. Одна сделала шаг назад от стола.

— Владимир Семёнович, фибрилляции нет. Уже четыре минуты...

— Заряжай. Максимум.

Третий разряд. Самый громкий. Монитор продолжал пищать ровной линией. Рука в перчатке медленно опустилась. Ломаев смотрел на монитор, потом на лицо девочки на столе. Закрыв глаза.

— Фиксируйте время смерти. Восемнадцать сорок две.

Ломаев вздрогнул и открыл глаза. Он снова сидел в коридоре перед операционной. Часто заморгал, прогоняя остатки воспоминания. Провёл ладонью по лицу, стирая невидимую паутину прошлого.

Коридор наполнился звуками: шаги, хлопок двери, далёкий голос.

В конце коридора появились двое. Мужчина и женщина, обоим около тридцати. Уличная одежда, запыхавшиеся, на плечи небрежно накинуты белые халаты поверх курток — видно, пустили в отделение только так. Женщина плакала, прижимая к лицу скомканный платок. Мужчина шёл, обнимая её за плечи, но его взгляд метался по дверям, выискивая нужную.

Они почти бежали. Заметили Ломаева — единственного живого человека в поле зрения.

— Где здесь девочку оперируют?! Выпавшую из окна... — голос мужчины сорвался на хрип.

— В третьей операционной. Вы родители?

— Да.

Отец подвёл жену к скамейке напротив двери операционной. Она села, почти упала, плечи тряслись от беззвучных рыданий. Муж сел рядом, обнял её, но сам не отрываясь смотрел на дверь.

Ломаев остался стоять. Он сделал шаг к ним, потом остановился.

— Как это случилось?

Отец поднял на него воспалённые глаза.

— Окно было открыто... Она хотела помахать бабушке. Встала на подоконник, оперлась на сетку москитную... А она не держит, вылетела... Мы на кухне были, слышали только...

Ломаев смотрел на них и чувствовал, как внутри что-то сжимается в тугой, холодный узел. Он видел эту сцену раньше. Другие лица, другие двери, но та же самая боль.

Он медленно кивнул. В этом кивке не было обещания, не было лживого «всё будет хорошо». Только понимание. Человек, который уже стоял по другую сторону двери, не раздаёт пустых надежд.

— Врачи делают всё, что могут. Сейчас важно ждать.

Ломаев отступил на шаг, развернулся и медленно пошёл в глубь коридора, к выходу из отделения. За спиной остались только тихие всхлипы матери и гулкая тишина ожидания.

Ломаев толкнул стеклянную дверь и вышел под морозящий дождь. Капли тут же осели на волосах, на плечах куртки. Он не замечал их. Он думал о девочке, которая хотела помахать бабушке и выпала из окна. И о той, другой, которая умерла на его столе пятнадцать лет назад.

Две девочки. Две судьбы. Одна — ещё не решена.

Смена закончилась. Тело гудело от усталости, но голова была неестественно ясной — так бывает, когда перешагиваешь порог изнеможения и проваливаешься в хрупкое, звенящее бодрствование. Он достал из кармана пачку сигарет, вытряхнул одну, покрутил в пальцах и убрал обратно. Бросил взгляд на небо. Тяжёлые, низкие тучи обещали дождь, но пока не про-

ливались — только давили сверху серой, мокрой ватой. Белая ночь размывала тени, делая мир плоским и нереальным.

Мимо проехала машина — кто-то из коллег притормозил, опустил стекло.

— Владимир Семёнович! Садитесь, до Девяткино подброшу!

Ломаев поднял руку — жест отказа и благодарности одновременно.

— Я пешком. Голова после смены чугунная, пройти надо.

Машина уехала. Он поправил воротник, сунул руки в карманы и свернул за угол больницы, двинулся по аллее, ведущей к парку. Впереди был долгий путь до Капралева парка — семь километров, через парк в узком месте пятьсот метров, а там ещё сто пятьдесят метров и он дома, путь, который он проходил сотни раз. Но сегодня этот путь почему-то казался длиннее обычного

Глава 2. Мост в тумане

Капралев парк встречал его тишиной. Не той мёртвой, давящей тишиной пустых помещений, а живой, наполненной дыханием старых лип и клёнов, шорохом невидимых птиц, пробуждающихся в ветвях. Туман стелился по земле, скрывая корни деревьев и нижнюю часть стволов. Видимость — метров двадцать, не больше. Всё остальное тонуло в белёсой пелене.

Ломаев шёл по узкой тропинке. Шаги по влажной земле звучали глухо, почти сразу глотаемые туманом. Он любил это время — раннее утро, когда мир ещё не проснулся, а он уже свободен. Можно было никуда не спешить, не принимать решений, просто переставлять ноги и чувствовать, как усталость постепенно отпускает мышцы.

Тропа пошла под уклон. Туман становился гуще. Ломаев замедлил шаг — приходилось почти на ощупь находить дорогу. Деревья расступились, и в разрыве пелены проступил он.

Мостик

Каменный, замшелый, переброшенный через безымянный ручей. Ломаев проходил здесь сотни раз за пять лет, но сегодня что-то было иначе. Влага блестела на каждом камне, парапеты казались выше, чем днём — туман искажал перспективу, делал знакомое место чужим, почти зловещим.

Он вышел на мост и остановился ровно посередине. Облокотился на шершавый каменный парапет. Смотрел вниз — туда, где должна быть вода, но сейчас ручей почти не угадывался за плотной дымкой.

Тишина стала абсолютной. Птицы замолчали. Даже туман, казалось, перестал двигаться, застыв в ожидании.

Ломаев стоял неподвижно. Глаза открыты, но взгляд — внутрь себя. После суточной смены граница между реальностью и дрёмой стиралась, мысли текли вяло, обрывками. Он думал о девочке на операционном столе, о её родителях в коридоре, о той, другой девочке, которую потерял пятнадцать лет назад. Мысли накладывались одна на другую, как мокрые листы бумаги, размывая контуры.

С его носа сорвалась капля крови.

Одна-единственная. Из левой ноздри, медленно, словно во сне. Падая, она рассекла туман над водой, и в этом месте пелена разошлась, открывая чистое пространство — узкий коридор вдоль русла ручья, метров на десять вверх по течению.

Ломаев моргнул. Внизу, на поверхности воды, медленно вращаясь, плыла кукла.

Она лежала на спине, раскинув руки. Пластмассовое лицо с нарисованной улыбкой. Розовое платьице — яркое, неестественно чистое. Новая кукла. Не размокшая, не грязная, словно только что с витрины.

Капля крови, сорвавшаяся из его носа, ударилась о кукольную щеку, прочертила по ней короткую алую дорожку и сорвалась в воду, разбившись на десятки микроскопических брызг. На белой пластмассе остался красный след — будто кукла заплакала кровавой слезой.

Ломаев замер. Внутри что-то неприятно шевельнулось — не страх, а профессиональная настороженность, смешанная с иррациональным чувством неправильности происходящего. Он смотрел, как кукла медленно заплывает под мост, и не мог отвести взгляд.

Раз — и она исчезла под каменным сводом.

И в этот момент — глухой, короткий гром. Без молнии. Как будто земля коротко выдохнула.

Ломаев вздрогнул. Сделал несколько быстрых шагов на другую сторону моста, перенулся через парапет. Внизу всё тонуло в плотной белёсой пелене — туман над водой стоял нетронутый, молчаливый, равнодушный. Ни куклы, ни ряби, ни кругов. Только молоко.

Ломаев вернулся на первую сторону. Снова перегнулся. Та же картина — туман, густой и неподвижный, словно ничего и не было.

Тогда он спустился с моста на берег — скользкий, заросший осокой. Отодвигая траву, пробрался вдоль кромки воды, чтобы заглянуть под мост, в тень каменного свода. Пригнулся, вглядываясь вниз по течению.

Под мостом было пусто. Только вода, камни. Но то, что открывалось дальше, за мостом, вниз по ручью, заставило его замереть — туман над водой исчезал полностью, открывая чистое, прозрачное пространство. Камни на дне, медленно колыхающиеся водоросли, мелкая рыбёшка — всё было видно до мельчайших деталей. Словно там, дальше, было совсем другое утро.

Куклы не было нигде.

Ломаев выпрямился, поднялся обратно на мост. Огляделся. Туман с обеих сторон стоял плотной стеной, неподвижный, равнодушный.

Он спустился с моста ещё раз, но теперь зашёл с другой стороны. Заглянул под мост вверх по течению — там туман, такой же плотный, как везде. Вернулся на мост. Осмотрелся.

— Усталость, — пробормотал он вслух, и собственный голос прозвучал чужим в этой ватной тишине.

Он одёрнул куртку и решительно зашагал прочь с моста. Силуэт его быстро растаял в тумане.

Пройдя метров пятнадцать, он замедлился. Плечи чуть развернулись, голова начала поворачиваться назад — почти обернулся. Но не стал. Опустил голову и продолжил путь.

Шаги стихли. А потом из-под моста донёсся всплеск — один-единственный, глухой, словно что-то небольшое ушло на дно.

На поверхности воды разошлись круги. В центре кругов — пусто.

Туман сомкнулся над водой.

Глава 3. Пустой дом

Ломаев дошёл до своего закрытого квартала быстрее, чем обычно. Ноги сами несли его прочь от моста, прочь от странного, липкого чувства, которое он отказывался называть тревогой. Усталость. Просто усталость.

Он приложил ключ к электронному замку калитки. Охранник в будке поднял голову.

— Владимир Семёнович, с дежурства?

Ломаев молча кивнул и прошёл внутрь. Таунхаусы стояли ровной шеренгой, безликие в утренних сумерках. Его дом был третьим слева. Он открыл дверь, вошёл, щёлкнул выключателем.

Свет залил прихожую. Ломаев замер на пороге, прислушиваясь. Тишина. Ровная, плотная — только холодильник гудит на кухне. Никого. Он скинул куртку, небрежно повесил на крючок, сел на пуфик и стянул обувь. Движения были замедленными, почти нехотя.

Прошёл на кухню, включил чайник. Все действия — на автомате. Мысли где-то далеко, там, под мостом, где в тумане плыла кукла с кровавой дорожкой на щеке.

Он открыл подвесной шкафчик. На верхней полке, за банками с крупой, стояла бутылка коньяка. Початая. Ломаев взял её, сорвал пробку, потянулся за бокалом.

За окном громынуло. Глухо, далеко, без молнии — словно земля коротко выдохнула. Ломаев замер с бутылкой в руке. Посмотрел на светлое стекло, за которым ничего не было видно, кроме серой пелены.

Медленно выдохнул. Закрутил пробку. Поставил бутылку обратно в шкаф. Закрыв дверцу.

— Это не выход, — сказал он вслух. — Нужно решение.

Он сел на небольшой кухонный диванчик, откинулся на спинку, положил ноги на табуретку. Голова запрокинулась, губы беззвучно зашевелились. Прошло пять минут — Ломаев громко захрапел и проснулся сам от своего храпа.

— Только не на кухне, — сказал он вслух и пошёл в спальню.

Спальня встретила его идеально заправленной кроватью. По-армейски. Он лёг поверх покрывала, не раздеваясь, и закрыл глаза. Сон пришёл сразу — тяжёлый, без сновидений, как провал в небытие.

Проснулся он от яркого солнечного света, бьющего в окно. Перевернулся с живота на спину, посмотрел в потолок. Вспомнил дорогу домой. Мост. Туман. Куклу. Кровавую слезу на пластмассовой щеке.

Ломаев сел на край кровати, потёр лицо ладонями, взъерошил волосы.

— Будем разбираться, — сказал он вслух.

Глава 4. Чужой мост

Ломаев встал с кровати, потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки после сна — вроде и удобно спать, но привык он во сне не шевелиться, от этого и боль. Солнце стояло уже высоко, он проспал почти до полудня. В доме было тихо и пусто. Он прошёл в ванную, умылся, почистил зубы, мельком глянул на себя в зеркало. Уставшее лицо, тёмные круги под глазами, седина на висках. Обычное утро обычного одинокого мужчины.

На кухне он включил чайник, достал кружку, бросил пакетик чая. Пока вода закипала, стоял у окна и смотрел на улицу. Туман давно рассеялся, день обещал быть ясным и тёплым. Ничего не напоминало о странном происшествии на мосту. Кроме одного — он не мог перестать о нём думать.

— Будем разбираться, — сказал он вслух и решительно допил чай.

Он оделся — простая тёмная футболка, лёгкая куртка, ботинки — и вышел из дома. До парка было рукой подать, и он шёл не спеша, но внутри поднималось странное, давно забытое чувство. Азарт. Охотничий инстинкт. Что-то подсказывало ему, что кукла в тумане — не случайность и не галлюцинация.

У входа в парк он свернул на узкую тропинку, ведущую в северную, заброшенную часть. Здесь всегда было безлюдно. За пять лет, что он ходил этой дорогой на работу и обратно, он не встретил здесь ни единой живой души. Только он, деревья и мост.

Ломаев подошёл к мосту и остановился в нескольких шагах. Что-то удерживало его — не страх, а странное, необъяснимое чувство, будто мост наблюдает за ним в ответ.

— Что же здесь не так? С чего бы начать...

Он не поднялся на мост. Вместо этого придирчиво оглядел его с одного берега, затем перешёл на другую сторону, посмотрел оттуда. Ничего особенного. Начал пристально рассматривать камни кладки. Ни одной детали, способной привлечь внимание.

Спустился к ручью. Одной ногой перешагнул на другой берег — ручей бежал у него между ног.

Взгляд упал на камень в нижней части верхней арки моста. На нём была выбита маленькая стрелочка, указывающая вниз. Прямо посередине.

Ломаев достал телефон, сфотографировал. Не доверяя глазам, начал ощупывать всё вокруг стрелочки — искал кнопку, скрытый механизм. Ничего.

Выбрался на берег, обошёл мост с другой стороны и там обнаружил точно такую же стрелочку, но указывающую вверх. Посмотрел наверх, на свод моста. Стрелочка — в самой нижней точке арки, посередине, ровно над ручьём. Она показывала строго вверх.

Ломаев прощупал каждый камушек вокруг, отодвинул траву, просмотрел кладку. Ничего. Сфотографировал и эту стрелку.

Интерес стал живее. Пять лет он ходил через этот мост и никогда не задумывался: когда он появился? Почему нет таблички с названием? Никаких опознавательных знаков.

Он снова спустился к стрелочке, указывающей вниз, на верхней по течению стороне. Посмотрел на воду, на плывущий лист.

— Направление воды... Больше не на что подумать.

Нагнулся, зашёл под мост, согнувшись почти вдвое. Здесь было сумрачно и влажно. Тяжело пахло сырым камнем, речной тиной и чем-то неуловимо старым — как в подвалах заброшенных усадеб, куда десятилетиями не ступала нога человека. Рассмотрел потолок. Потолок ухоженный — покрашен в чёрный матовый цвет. Стены тоже чёрные, но снизу краска облупилась: вода и влажный воздух делают своё.

Посреди ручья, прямо под мостом, стоял столб — один конец уходил в ручей, а второй упирался в верхнюю часть моста снизу. Металлическая труба толщиной около пятидесяти миллиметров. Наверху закреплена табличка. Она установлена вдоль ручья, не поперёк. Размер — примерно пятнадцать на двадцать сантиметров. Покрашена в тот же чёрный матовый цвет.

По периметру таблички — змеи. Ломаеву показалось, что это чугунное литьё. И на столбе, в верхней части, тоже змеи. Создавалось ощущение, что этот столб держит дополнительную поперечную балку под мостом — швеллер, уходящий в стены.

На выемке швеллера лежали тряпочка и мелок.

Ломаев задержал на них взгляд. Странно.

Медленно прошёл под мостом, по левой стороне, и вышел с другой стороны.

— —

Ломаев поднялся из русла. Огляделся.

Пасмурно. Небо затянуто низкими серыми облаками. Совсем не то яркое солнце, что было минуту назад.

Воздух был другим — не летним, прогретым, а прохладным, с лёгкой примесью дыма. Где-то жгли листву.

В парке были люди. Немного, но они были. Человек косил траву косой — Ломаев давно такого не видел, только в детстве, раньше дворники косили траву косой во дворах. Он удивился: за пять лет он ни разу никого здесь не встречал. А сейчас — люди. Проходят мимо, кто-то с собакой, кто-то с коляской.

И вдруг — кровь из носа.

Ломаев прижал пальцы к левой ноздре. Кровь текла сильнее, чем утром. Он задрал голову, шаря по карманам в поисках платка. Решил возвращаться домой. Быстрым шагом пошёл через парк, вышел к тому месту, где должен быть его закрытый квартал с таунхаусами.

И остановился

Перед ним был лес. Густой, старый. Никаких таунхаусов. Вообще никаких построек.

Он озирался. Кровь заливала губы, капала на пиджак. Он отвлёкся, смахнул кровь рукавом, снова посмотрел — лес. Сделал несколько шагов назад, вернулся к парку. Огляделся, сверился с направлением. Всё верно: вот парк, вот тропа, вот поворот. Здесь должен стоять его дом.

Дома нет.

Кровь не останавливалась. Ломаев, зажимая нос, вернулся в парк, к тем людям, что видел раньше. Подошёл к женщине лет пятидесяти, в старомодном, но опрятном платье и платке.

— Простите, где здесь ближайший медпункт? — голос прозвучал гнусаво из-за зажатого носа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.